

нее поставленных проблем. Само формирование инновационного академического университета представляет собой *инновационный процесс*, от получения новых и обобщения уже имеющихся знаний до использования потребителем научно-образовательных услуг инноваций, созданных на основе этих знаний.

По природе своей инновационный процесс – это процесс, охватывающий весь цикл преобразования научного знания, научных идей, открытий и изобретений в инновацию от отработки идеи до её реализации, который возможен при наличии условий для творческого процесса и использовании новых методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катастрофы и образование / Под ред. Ю.Л. Воробьева. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 176 с.
2. Долженко О.В. Очерки по философии образования. – М.: Промо-Медиа, 1995. – 240 с.
3. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. 2 изд., дополн. – Петрозаводск: Скандинавия, 2004. – 208 с. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.altshuller.ru/bibliography1/contents1.asp>. – 26.04.2009.
4. Альтшуллер Г.С., Шапиро Р.Б. О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. – 1956. – № 6. – С. 37–49. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.altshuller.ru/triz0.asp>. – 26.04.2009.

Поступила 02.06.2009 г.

УДК 17

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА

М.А. Макиенко

Томский политехнический университет
E-mail: mma1252@rambler.ru

Выделены критерии формирования научной онтологии в философской системе. Реконструирована научная онтология в философской системе Ж. Делеза. Выявлены проблемы научного знания, которые возникают при его характеристике как объективно-го. Сделан вывод о том, что проблема субъект-объектных отношений разрешается Ж. Делезом посредством введения концепции частичного наблюдателя.

Ключевые слова:

Научная онтология, субъект, объект, научный метод, проблема, искусство.

Постановка проблемы осмысления научной онтологии связана с формированием в рамках научного знания новой реальности, или иначе, предмета исследования. В качестве примера становления новой реальности можно обозначить выделение объекта микромира в квантовой механике, выделение общества в качестве предмета социологии, открытие генов в механизме наследования. Конституирование онтологии научного знания можно охарактеризовать как общий путь преодоления кризисных ситуаций в науке. Помимо этого, она позволяет вывести обоснованное знание из заданных оснований. В этом смысле, как подчеркивал В. Гейзенберг, дать адекватную трактовку происходящим в науке изменениям возможно лишь при трансформации наших онтологических воззрений [1. С. 15]. Новая онтологическая картина является основой реконструкции основных особенностей современной науки.

В философии достаточно часто категория «онтология науки» рассматривается как условие констатации различных методологических подходов, существующих в научной деятельности – социокультурного и философско-гносеологического. Представители социокультурного подхода (например, российский исследователь В.Н. Порус [2]) раскрывают науку как неотъемлемую составляющую культуры и демонстрируют механизм ее включенности в систему социокультурных связей. Представители философско-гносеологического подхода (например, К. Поппер [3]) исследуют проблему демаркации, специфики научного знания. Если обобщить указанные выше подходы, то можно утверждать, что традиционно научная онтология конституируется в философии по следующим параметрам: соотношение субъекта и объекта познания, представления о границах познания, критерии объективности научного знания, его автоном-

ность или детерминированность, научная концепция истины, принцип развития науки.

В данном исследовании категория «научная онтология» полагается как выражение инвариантности науки, возможности ее качественных изменений, фиксации претерпеваемых ею трансформаций и смены ее статуса в обществе. Категория «онтология науки», осмысленная в данном ключе, позволяет зафиксировать субъективный и объективный статус науки в каждый период ее развития. В данном случае образ науки является не только отражением ее внутренних интенций. Он демонстрирует проекцию общих философско-методологических представлений исследователя на феномен науки. Онтология науки выполняет, таким образом, методологическую функцию, определяя предмет исследования, общую специфику и возможный срез развития исследования. Указанное понимание онтологии науки коррелирует с философствованием Ж. Делеза. Он исследует науку в своих основах как специфический способ становления мира и мышления.

Указанный подход требует более конкретных критериев научной онтологии. В качестве таковых предлагается выделить:

- условия возможности научного знания;
- критерии научного знания, сформулированные в рамках научного сообщества;
- проблемы науки как социального института и определенной формы знания;
- роль науки в системе объектов духовной деятельности человечества.

Источником науки в философии Ж. Делеза является хаос. Обнаружить определение хаоса в философии Ж. Делеза нельзя. Возможно, здесь Делез следует общей тенденции в данной области. Даже в специфической научной литературе, посвященной изучению хаоса, например труды А.Ю. Лоскутова, А.С. Михайлова, И.Р. Пригожина, отсутствуют определения традиционного типа: «хаос – это...». Чаще даются характеристики хаоса. В таком же русле действует Ж. Делез – он выделяет основные характеристики хаоса, говоря, что «Отличительной чертой хаоса является не столько отсутствие порядка, сколько бесконечная скорость, с которой в нем рассеивается любая наметившаяся была форма» [4. С. 150]. Хаос, таким образом, в философии Ж. Делеза относится к различным процессам (физическим, химическим, социальным). Но если быть более точными, то даже не к самим процессам, а к их возможностям. В этом плане хаос является виртуальностью или возможностью. Здесь концепция хаоса Ж. Делеза существенно расходится с научной концепцией хаоса.

Для науки хаос – это реально существующие процессы, происходящие в действительности. Так, например, А.Ю. Лоскутов и А.С. Михайлов, характеризуя хаос, пишут: «Эффекты динамического хаоса представляют собой внутренне присущее свой-

ство подобных систем. Они наблюдаются не только в распределенных активных средах, но и в более простых сосредоточенных системах» [5. С. 90]. О том, что хаотические процессы полагаются в науке в качестве реально существующих, свидетельствуют и метеорологические исследования в области синергетики. В философии Ж. Делеза концептуализация хаоса как возможности любых форм, позволяет сделать вывод о том, что хаос одновременно присутствует в двух плоскостях – это реально существующий процесс, который существует только благодаря способности мыслить. Тогда становится ясным, почему Делез характеризует хаос понятием «виртуальности». Хаос существует в действительности, но эта действительность присутствует опосредованно, через мышление, которое в свою очередь есть совокупность производных от хаоса объектов. Тогда мышление – это вторая плоскость, в которой существует хаос.

Данное положение в философии Ж. Делеза позволяет преодолеть традиционную для науки оппозицию субъект-объект. Утверждение, что в неклассической науке преодолевается эта оппозиция, с нашей точки зрения, является неверным. Конечно, сегодня общепринятым становится тот факт, что предмет в научных исследованиях приобретает субъективные характеристики, испытывая воздействие субъекта и научного инструментария. Но в данном случае, возможно сделать ряд замечаний:

1. Не учитывается тот факт, что субъект также испытывает воздействие предмета.
2. Несмотря на то, что наука о хаосе изучает свой предмет в процессе его становления, а не существования, тем не менее, он все равно полагается как предстоящий субъекту, существующий в соответствии со свойственными ему характеристиками.

То есть хаос в научных концепциях – это объект, который должен быть изучен субъектом. Но предметом изучения становятся не только элементы объекта исследования, а также и процессы, протекающие между ними, в соответствии с внутренне присущими закономерностями.

Ж. Делез предлагает направление в преодолении указанной проблемы – он переосмысливает саму идею предметности или сущего самого по себе. Данный тезис можно рассмотреть с разных сторон. Источник научного познания – хаос не существует вне воспринимающего его субъекта. Он становится возможным лишь в процессе совместного с субъектом конструирования. С другой стороны, наука рассмотрена Ж. Делезом как тип становления, который возможно понять тогда и только тогда, когда нет еще ни субъекта познания, ни объекта познания, когда они только предполагаются. Это получает свое выражение в концепции частичного наблюдателя, которая является неотъемлемой составляющей научной онтологии, предлагаемой философом.

Частичный наблюдатель в философии Ж. Делеза — это не гносеологический субъект познания, характерный для классической науки и не субъективный предел познания, который демонстрирует невозможность познания, поскольку ограничен своими субъективными ощущениями. Делез стремится сформулировать такую концепцию частичного наблюдателя, которая смогла бы преодолеть указанные выше крайности. Позитивный путь их преодоления он находит в том положении, что частичный наблюдатель должен воспринимать и ощущать на себе исследуемые явления. Но эти восприятия не являются субъективными, поскольку принадлежат не только человеку, но и самим изучаемым вещам: «...роль частичного наблюдателя — воспринимать и испытывать на себе, только эти восприятия и переживания принадлежат не человеку (как это обычно понимается), а самим вещам, которые он изучает» [4. С. 166]. Тогда нельзя сказать, что объект исследования существует независимо от человека и человек может получить от него истинные результаты. Хотя считать результаты исследования только субъективными, порожденными ощущениями или воображением субъекта тоже нельзя.

Для понимания роли частичного наблюдателя необходимо отказаться от картезианской противоположности субъекта и объекта, характерной для классической науки, и непреодоленной в неклассической и постнеклассической науке. Из философии Ж. Делеза возможно эксплицировать тезис о том, что предмет научного исследования неизбежно изменяется под воздействием частичного наблюдателя, приобретая субъективные черты. В свою очередь субъект определяется, поскольку также изменяется вместе с предметом. Подобная коррелятивность субъекта и предмета позволяет говорить о цели частичного наблюдателя в процессе познания. Его цель — конституирование относительности истинного. В философии Ж. Делеза это означает, что в процессе изменения субъекта одновременно происходит трансформация самого объекта исследования. Как справедливо отмечает Л.А. Морева: «С точки зрения классической науки это невозможно. Развиваться и изменяться может только научное знание, становясь все более совершенным и адекватным предмету изучения, который сам остается неизменным» [6. С. 87]. Из сказанного выше можно сделать вывод, что та онтология науки, которая формируется в философии Ж. Делеза, полагает научное знание как знание, в котором отсутствует противопоставление субъекта и объекта. Наука возможна только как их взаимопроникновение.

Конечно, подобная интерпретация уже встречалась и в философии и в науке. Так, например, В. Гейзенберг, говоря о квантовой механике, подчеркивал, что ее особенностью является активная роль наблюдателя. При изучении квантового объекта происходит коллапс и фиксируется некоторое зна-

чение физической величины, которое заранее может быть предсказано только с некоторой долей вероятности. И результат зависит от экспериментальной установки наблюдателя.

В качестве нововведения, предлагаемого в онтологии Ж. Делеза, необходимо отметить то, что взаимопроникновение субъекта и объекта в философии Ж. Делеза — это результат онтологического положения частичного наблюдателя. Частичный наблюдатель помещается философом как вне предмета исследования, так и в самом предмете одновременно. В самом предмете находится идеальный частичный наблюдатель, который отражает сущность состояния тела. Этот идеальный наблюдатель транслирует переживаемые им состояния тела реальному частичному наблюдателю. Механизмы трансляции философами не описываются. Но для того, чтобы прояснить данный вопрос, необходимо указать, что идеальный частичный наблюдатель, с одной стороны, объективно присутствует в предмете, а с другой стороны, переносит реального частичного наблюдателя в предмет. Здесь отмечается дальнейшая тенденция нивелирования субъект-объектных отношений: идеальные частичные наблюдатели — это чувственные восприятия или переживания, которые свойственны самим объектам. Но человек не знает и не может знать о состояниях предмета как такового. Поэтому становится возможным интерпретировать эти состояния с точки зрения чувств и ощущений самого субъекта. Но это не говорит о субъективности получаемых ощущений. Объективность задается тем, что каждому предмету присущи определенные состояния. Характеризуя этот момент, Ж. Делез обращается к физике элементарных частиц, которая, по его мнению, требует бесконечного количества частичных наблюдателей, каждый из которых присущ бесконечному количеству элементарных частиц.

Если говорить о характеристике частичного наблюдателя, исходя из физики элементарных частиц, то необходимо остановиться на следующих его характеристиках: *во-первых*, их очень много. Открытие новой элементарной частицы всегда составляло триумф науки. Сейчас же к этому отношению несколько изменилось, так как эти триумфы стали буквально следовать друг за другом; *во-вторых*, частичные наблюдатели должны постоянно трансформироваться. Это связано с тем, что само слово «элементарный» содержит в себе двойкий смысл. С одной стороны, оно может быть интерпретировано как нечто само собой разумеющееся, простое. С другой стороны, это нечто фундаментальное, лежащее в основе вещей. Представления о существовании элементарных частиц появились еще у Демокрита, который понимал их как простейшие неделимые, неизменные частицы. В современной физике представления о сущности частиц, называемых элементарными, совершенно изменились. Так например, современная наука полагает, что неотъемлемое условие существования

элементарных частиц – их взаимное превращение друг в друга. Этот процесс является именно превращением, а не простой перекомбинацией составляющих элементов.

Итак, в постоянном стремлении отыскать неизменную реальность в нашем мире, ученые оказались перед фактом зыбкости и изменчивости. Отсюда к характеристике частичного наблюдателя можно добавить то, что понятие объективности как повторяющегося и неизменного становится неприемлемым для науки. Объективное может быть интерпретировано как состояние явления только на данный момент времени. Отсюда в науку привносится понятие условности истины.

Развивая далее тему частичных наблюдателей в философии Ж. Делеза, необходимо отметить, что восприятие субъекта интерпретируется не столько на образно-эмоциональном уровне, сколько на познавательном-информационном. То есть субъект-объектная проблема возвращает нас к классической проблеме объективности. Проблема объективности – это проблема критериев научного знания. Только тогда, когда научное знание претендует на объективность, в философии возникает вопрос: «На каком основании?» Необходимо разрешить вопрос о корреляции научного эксперимента и сделанных на его основании теоретических выводов – реальности, существующего языка науки как способа описания – действительности. Проблема объективности в научном знании разрешается Ж. Делезом в двух направлениях. Во – первых, восприятия частичного наблюдателя – это не только его ощущения, но и определенное количество информации. Трансформация субъект-объектных восприятий в информацию осуществляется посредством их проблематизации. Ответ в науке зависит от исходных аксиом, принятых ученым, от средств описания, от способности ученого увидеть решение проблемы в мире.

Второе направление, которое намечает Ж. Делез при решении проблемы объективности – проблема методологии. Как пишет Ж. Делез: «Речь идет о том отношении, когда концепты и функции мы можем назвать красивыми» [4. С. 170]. В этом смысле красота в науке является методом поиска истины. Простота, гармоничность, доступность – критерии красоты в науке. В принципе, и для самой науки и для философии XX в. критерий объективности знания на основе его эстетизации стал уже традиционным. В философии науки сближение эстетического и научного происходит на основании их обоюдного творческого и преобразовательного потенциала, на основании интерпретации художественного вкуса как метода поиска научного результата. Как писал Д.С. Лихачев: «Красота научной работы состоит главным образом в красоте исследовательских приемов» [7. С. 77]. В качестве еще одного критерия взаимопроникновения эстетики и науки приводятся многочисленные примеры воздействия художественных произведе-

ний на процесс научной деятельности [8]. Эти идеи дополняются интерпретацией эстетики как становления. В таком случае научное знание предстает в концепции Ж. Делеза как непрерывный творческий процесс по изъятию смысла из хаоса.

Но необходимо отметить, что эстетическая концепция Ж. Делеза разъединяет науку и искусство. Формы искусства берут свое начало в хаосе – скорости бессознательного потока. Искусство непосредственно связано с аффектами. Искусство обращено к иррационально-бессознательной сфере. Именно данная сфера освобождает творческий потенциал художника. И соответственно, искусство представляет собой его вариации. В этом смысле искусство для Ж. Делеза – бегство от реальности, которое представлено нам в формах рационального. Разрушая стену реальности, художник освобождается от существующих стереотипов, обращаясь, таким образом, к пространству для творчества. Творить означает становиться, что для Ж. Делеза является признаком активности личности. Это объясняется тем, что в процессе бегства от существующей реальности происходит становление, создание другой реальности.

Развивая данный тезис в работе «Ризома», Ж. Делез выделяет два типа культур: культура древесная и культура корневища, ризомы. Первый тип культуры – классическая культура, понимаемая как подражание, мимесис. Здесь основная идея – упорядочить существующий мир, превратить его в космос. Подлинный тип культуры – это культура корневища. Пояснить данный тезис можно на примере книги, который использует Ж. Делез. Книга – это корневище, где происходит становление иного типа эстетических связей. Все идеи переплетены, связаны друг с другом, но эти связи бесструктурны, запутаны, то обрываются, то вновь возобновляются. Здесь нивелируется смысл как связующий центр и появляется бесконечное становление множества смыслов. Произведение искусства может быть осмысленно как объект для экспериментирования со смыслом и аффектом.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ оснований научного знания в философии Ж. Делеза позволяет эксплицировать его источник – хаос. Концепция хаоса, предложенная Ж. Делезом, имеет принципиальное отличие от остальных современных концепций хаоса. Он полагается им как виртуальное состояние мира, которое существует в реальности, но эта реальность возможна лишь благодаря человеческому мышлению. Познание такой реальности требует отказаться от традиционного для науки субъект-объектного противопоставления. Наука может возникнуть только тогда, когда нет еще ни субъекта, ни объекта познания.
2. Закономерный вопрос: «Если нет субъекта и объекта, то как возможно вести речь о познании чего-либо?», разрешается посредством введе-

ния частичного наблюдателя. Частичный наблюдатель существует лишь в непрекращающемся становлении, которое происходит совместно с объектом исследования. Критерием объективности такого знания — становления

являются два фактора: проблематизация хаоса, и эстетичность знания.

3. Несмотря на видимое сближение науки с искусством, необходимо отметить принципиальное различие их целей, способов ее реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 192 с.
2. Порус Н.В. Наука, всеобщий труд и стоимость: От вымыслов к реальности // Наука и ее место в культуре: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Н. Кочергин. — Новосибирск: Наука, 1990. — 273 с.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы: пер. с англ. / К.Р. Поппер. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 286 с.
5. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику. — М.: Наука, 1990. — 272 с.

6. Маркова Л.А. От математического естествознания к науке о хаосе // Вопросы философии. — 2003. — № 5. — С. 78-91.
7. Герасимов В.Г., Орлов И.Н., Филиппов Л.И. От знаний — к творчеству (становление личности). — М.: Изд-во МЭИ, 1995. — 228 с.
8. Сухотин А.К. Научно-художественные пересечения. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. — 198 с.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. Философия эпохи постмодерна / Сб. переводов и рефератов. — Минск, 1996. — С. 7-31.

Поступила 01.06.2009 г.

УДК 930.1

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА И ПРАВОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И.А. ИЛЬИНА

Л.А. Гаман

Северская государственная технологическая академия
E-mail: Gamanl@yandex.ru

Рассмотрены представления выдающегося русского религиозного мыслителя И.А. Ильина (1883–1954 гг.), монархиста и консерватора по убеждениям, о значении государства и правосознания народа в историческом развитии, отчетливо сформулированные в эмигрантский период жизни и творчества. Показана их актуальность для современного российского общества.

Ключевые слова:

Религиозная философия истории, государство, правосознание.

Иван Александрович Ильин, оказавшийся в 1922 г. в вынужденной эмиграции, первоначально обосновался в Германии, где жил до 1938 г. На протяжении всего этого периода он преподавал в Русском Научном институте; некоторое время являлся деканом юридического факультета. В 1938 г. ученый должен был перебраться в Швейцарию в связи с ухудшением его отношений с национал-социалистами, где он жил до самой своей смерти. В эмигрантский период творчества он написал свои основные работы, большей частью посвященные осмыслению глубинных истоков событий трагического по своему характеру XX в.

Особую напряженность историко-философским размышлениям И.А. Ильина как религиозного мыслителя придавало его представление о «религиозном межевании» мира [1. С. 265], о масштабном столкновении Бога и антирелигиозных сил, эксплицированном в катастрофических событиях XX в., прежде всего в революции 1917 г. в Рос-

сии. Подобное восприятие истории, отмеченное выраженным религиозно-этическим дуализмом, привело его к выводу о существовании глубокой взаимной связанности людей в добре и зле. Важным условием противостояния «живой стихии зла» [2. С. 124] постулировалась способность народа к консенсусу относительно эффективной этической системы, действенной не только на уровне коллективных, порой полусознанных представлений, но и воплощенной в системе правовых норм в конкретной государственно-политической форме [2. С. 163].

Именно с этими размышлениями И.А. Ильина связано его представление о высокой ценности государства, которому он придавал религиозное значение как началу, способному обеспечить организованное сопротивление злу, в том числе посредством насильственных мер. Рассматривая государство как действенный механизм совершенствования общества, он писал: «... так как справедливое право, по